

„Сладость бытія“.

(Противъ самоубійства).

(Окончаніе) *).

3. Адогматическій типъ самоубійства.

Впечатлѣнія отъ самоубійства воспитанника семинаріи. Безъ догмата жизнь не возможна. Литературный примѣръ—Плоховскій—изъ романа Сеикевича „Безъ догмата“. Отъзвы Ле-Дантека, Джемса и Толстого о цѣности вѣры для жизни. Сладость вѣры святыхъ.

4. Романическій типъ самоубійства.

Любовь—высшая цѣнность жизни. „Гранатовый Браслетъ“ Куприна. Самоубійство не неизбежный исходъ несчастной любви. Сладость любви Божественной. „Человѣкъ который смѣется“. Человѣкъ, который плачетъ“ Христіанскіе святые, какъ обладавшіе счастьемъ любви Божественной. Любовь человѣческая—образъ любви Божественной.

Эпизодъ: „Быть или не быть“? „Въ трамваѣ“ Куприна. „Страждущая любовь“.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Есть два типа самоубійствъ, въ субъективно-психологическомъ отношеніи наиболѣе интересныхъ—два типа, которыя обвѣяны соблазнительной иллюзіей поэзии, поскольку въ нихъ потеря вкуса къ жизни обусловливается не одностороннимъ растительно-животнымъ прозябаніемъ, а неудовлетвореніемъ двухъ нѣжнѣйшихъ запросовъ души, двухъ благороднѣйшихъ ея потребностей: исканія смысла жизни и взаимной любви.

Эти два типа я намѣренно выдѣляю еще и потому, что на меня лично они произвели сильнѣйшее впечатлѣніе. Объ одномъ самоубійствѣ, съ романической подкладкой, я уже

*) Начало въ февр. кв. Богословскаго Вѣстника.

разсказывалъ. Къ этому типу я еще вернусь. А о другомъ, адогматическомъ самоубійствѣ буду говорить теперь.

3. Адогматическій типъ самоубійства.

28 Августа 1908 г. по дорогѣ изъ Петербурга мнѣ пришлось прочесть въ одной изъ газетъ телеграмму изъ Калуги слѣдующаго содержанія: одинъ изъ воспитанниковъ духовной семинаріи, не выдержавъ экзамена, застрѣлился. Мой путь лежалъ какъ разъ въ Калугу. Приѣхавъ сюда, я узнаю, что фактъ самоубійства совершился, но мотивировка его совсѣмъ иная. Въ прочитанной мною корреспонденціи сообщалось, что мотивомъ послужилъ провалъ на экзаменѣ, а здѣсь я узналъ: юноша, дѣйствительно, застрѣлился послѣ неудачно выдержаннаго экзамена. Но *post hoc* вообще незначить *propter hoc*. Оставленная самоубійцей записка содержала въ себѣ слѣдующее объясненіе: „я проанализировалъ всю свою жизнь и не нашелъ въ ней никакого смысла, изъ за котораго стоило бы жить.“ Другими словами, онъ произвелъ самоэкзаменъ, самоиспытаніе, переоцѣнку всѣхъ цѣнностей и... провалился. Что касается до меня, то я второму объясненію повѣрилъ больше, чѣмъ первому. „Человѣкъ“, стрѣляющійся изъ за такихъ ничтожныхъ вещей, какъ двойка или единица, не достоинъ вѣдь этого царственнаго титула.

Очень можетъ быть, конечно, что неудача постигшая юношу на экзаменѣ, ускорила развязку, но не она создала трагедію его жизни, не она привела его къ роковому концу. Развѣ смерть Офеліи была дѣйствительной причиной самоубійства Гамлета? Нѣтъ, вся печально-сложившаяся судьба принца, все его скептическое міросозерцаніе постепенно, шагъ за шагомъ, готовили его къ этой развязкѣ. И такое объясненіе, хотя въ высшей степени печальное, только и достойно человѣка, какъ человѣка. Вѣдь предъявлять къ жизни такія требованія, какъ исканіе въ ней смысла, т. е. оцѣнивать жизнь съ точки зрѣнія разума, можетъ только человѣкъ.

Правда мысль, отрѣшенная отъ вѣры, отъ догмата, какъ лодка, отвязанная отъ берега, мечется туда и сюда, пока не сдерживаемая никакимъ жизненнымъ принципомъ, не разобьется о самое себя. Мысль грызетъ тогда „стволь жизни“, по выраженію одного издателя записокъ самоубійцы.

Пусть человекъ и не найдетъ въ жизни никакого смысла, пусть въ результатъ такой оцѣнки и получится нуль, уже важнѣе самъ по себѣ фактъ этого исканія, самая оцѣнка, запросъ: важно именно потому, что есть существо, которое мыслить, которое разумно, которое не удовлетворяется одною жвачкой и похотью. Животное не можетъ убить себя, но оно и не разумно. И когда я читаю въ газетахъ о подобныхъ самоубійствахъ изъ-за видимой бессмыслицы жизни, я всегда нахожу въ нихъ тотъ именно смыслъ, что они лишній разъ запечатлѣваютъ собою разумность природы человекъ, подчеркиваютъ, хотя такъ и неудачно, бытіе въ немъ души, а не одной только плоти.

Телеграмму о самоубійствѣ семинариста прочелъ я, какъ выше замѣчено, 28 Августа 1908 года. Этотъ же день намъ памятенъ восьмидесятилѣтнимъ юбилеемъ покойнаго графа Л. Н. Толстого, того самого Толстого, который тоже едва не лишилъ себя нѣкогда жизни по той же самой причинѣ. И въ этомъ совпаденіи я нашелъ для себя новый поводъ къ размышленію. Кто былъ этотъ юбиляръ, чествованіе котораго одни принимали, а другіе отвергали? Одни видятъ въ немъ преимущественно художника, великаго писателя земли русской, другіе мыслителя-моралиста и т. д. Но для меня Л. Н. Толстой прежде всего человекъ, жадный искатель смысла жизни. Отсюда получается такая параллель. Съ одной стороны искатель истины, и съ другой тоже. Это общее для нихъ. А различное: тамъ—незначительная фигура неизвестнаго почти никому семинариста, здѣсь—внушительная импонирующая сіятельность графа, всемірно-извѣстнаго писателя и мыслителя. Тамъ—почти безусый юноша, здѣсь—почтенный восьмидесятилѣтній старецъ, тамъ—преждевременно погибшая жизнь изъ-за необрѣтенія въ ней смысла, здѣсь—сравнительно покойное существованіе, хотя и не безъ покушенія все-же на него со стороны самого искателя. Но и при такомъ различіи между обоими искателями истины въ отношеніи къ положенію, возрасту и обстоятельствамъ жизни, нельзя не видѣть въ нихъ двухъ родныхъ братьевъ, одной и той же разумной, хотя и не свободной отъ ошибокъ, человеческой природы.

Горечь отрицанія, сомнѣнія, скепсиса, во что обращается иногда наша мысль, отравляя нашъ духовный организмъ, заглушаетъ чувство „сладоcти бытія“ и ведетъ къ насильственному прекращенію безцѣльно-безсмысленнаго существованія. Жить безъ вѣры, положительной или отрицательной, безъ вѣры въ Бога или обезьяну, въ Иисуса или Маркса, безъ догмата безсмертія или потусторонняго ничто, мы такъ же не можемъ, какъ и безъ того, чтобы не думать о „вчера“ и „завтра“, о выигрышѣ или проигрышѣ за карточнымъ столомъ о „правой“ сторонѣ или „лѣвой“, когда стоимъ на распутии. Безъ догмата наша жизнь сдвигается съ устоя и падаетъ невозвратно въ бездну небытія.

Классическій типъ такого адогматическаго самоуничтоженія, мы имѣемъ въ романѣ Сенкевича: **„Безъ догмата“**, въ лицѣ главнаго героя—Леонтія Плошовскаго.

Этотъ герой представляетъ собою довольно распространенный типъ „генія безъ портфеля“. Данный эпитетъ обозначаетъ человѣка, надѣленнаго отъ природы недюжинными способностями, но, вслѣдствіе общей хаотичности своего внутренняго міра, не посвятившаго себя ни одной специальности, не занявшаго въ обществѣ ни какого опредѣленнаго положенія. По данному себѣ самимъ Плошовскимъ опредѣленію, онъ былъ величиной *inproductivité*, нѣчто въ родѣ бесплодной смоковницы, потому что жилъ безъ догмата, такъ какъ не хотѣлъ вѣрить, ибо не умѣлъ хотѣть. Между тѣмъ жить безъ вѣры, цѣльной и всепоглощающей вѣры, съ постояннымъ скепсисомъ, неутомонной само-критикой, вмѣсто нея, такъ же мучительно, по сознанія самого скептика, „какъ птицѣ летать съ однимъ крыломъ“. Съ другой стороны, и въ моральномъ отношеніи герой адогматизма былъ человѣкомъ, хотя и порядочнымъ, но порядочнымъ настолько, насколько это было неизбежно по требованію привычекъ, среды и барскаго тона, въ которыхъ росъ и вращался Плошовскій.

Чѣмъ же онъ жилъ въ такомъ случаѣ? Исключительно игрою чувствъ, всегда капризной, измѣнчивой, не управляемой ничѣмъ, кромѣ слѣпотаго случая, подобно картамъ.

По капризу чувства Плошовскій отвергъ любимую и любившую его Анелю, а когда она вышла замужъ за Кромичкаго, онъ бѣсился и, переживалъ муки Тантала отъ близости

Анели, по винѣ его, принадлежавшей не ему, а пошляку Кромницкому.

Не защищеннаго какимъ-либо догматомъ, общественнымъ или религіознымъ синтезомъ, Плошовскаго развѣдаетъ до мозга костей скептицизмъ. „Не знаю, не знаю, не знаю“—таковъ его девизъ.

Но здѣсь, по словомъ самого Плошовскаго, „въ этой сознательной немощи человѣческаго разума, заключается трагедія не говоря ужъ о томъ, что наша духовная природа всегда настоятельно требуетъ отвѣта на предъявленные вопросы, ибо въ этихъ вопросахъ заключается все реальное значеніе человѣка. Если на той сторонѣ есть что-то вѣчное, то всѣ несчастія и потери на этой сторонѣ сокращаются до нуля. Человѣкъ мечется въ этомъ великомъ незнаніи, чувствуя, что еслибъ онъ могъ перейти на какую-нибудь сторону, то ему стало бы легче и спокойнѣе. Противоположностью Плошовскому выступаетъ въ романѣ Снятынскій и сама Анеля. Первый исповѣдываетъ два догмата, которыхъ не касалась его критика: служеніе обществу и любовь къ достойной женщинѣ. „Съ этими“,—заявляетъ Снятынскій: „жизнь стоитъ что-нибудь, а безъ нихъ она—нуль“. Что же касается Анели, то она была религіозна и признавала долгъ вѣрности даже къ нелюбимому человѣку.

Сравнивая себя съ Анелій, Плошовскій восклицаетъ „въ концѣ-концовъ мы оба страшно несчастны. Но у тебя, Анеля, есть хоть какая-нибудь опора въ жизни, есть догматъ, а я точно лодка безъ кормы и весла... Знаю только одно: чья жизнь не укладывается въ тотъ простой кодексъ, [котораго придерживается Анеля и подобные ей люди и чья душа выкипитъ изъ этого сосуда, тотъ долженъ смѣшаться съ прахомъ и грязью“. Плошовскій до того чувствуетъ себя отравленнымъ адогматизмомъ, что самъ признается: „говорятъ, люди, умирающіе отъ голода, за нѣсколько минутъ до смерти, уже не могутъ выносить пищи. Точно также и мой духовный организмъ не можетъ выносить доброты и утѣшеній. Не могу также выносить и воспоминаній“. Исковеркавъ свою и чужую жизнь, Плошовскій въ послѣднія минуты жизни Анели, когда, какъ и при всякой смерти, душа переживаетъ состояніе какого-то прозрѣнія, сказалъ: „я могъ бы быть твоимъ счастьемъ, а сталъ несчастьемъ. Это я—при-

чина твоей смерти, такъ какъ, еслибъ я былъ другимъ чело-
вѣкомъ, еслибъ у меня не было недостатка въ жизнен-
ныхъ основахъ, то на тебя не обрушились бы тѣ потрясенія,
которыя убили тебя. Это я понялъ во время послѣднихъ
минуть твоей жизни,—понялъ и поклялся идти за тобой...
Если ты умерла вслѣдствіе моего „не знаю“, то какъ же я
могу остаться здѣсь жить?“

Такъ неразрывно связаны между собою догматъ и жизнь,
жизнь и догматъ, и этотъ синтезъ ихъ настолько проченъ,
нераздѣлимъ, что, если бы мы спросили:

— Чѣмъ же грозитъ жизнь безъ догмата?—

сама жизнь и ея дубликатъ, литература, отвѣчаютъ намъ:

— Смертью!

Догматъ вообще есть, такимъ образомъ, необходимый эле-
ментъ, логическій постулатъ жизни.

Вопросъ вѣры и невѣрія догмата и скепсиса не есть только
вопросъ истины и лжи, а прежде всего жизни и смерти,
полноты и скудости, а отсюда сладости и безвкусія, если не
горечи, существованія. Это признаютъ даже два такихъ по-
зитивиста по складу своего научнаго мышленія, какъ проф.
Ле-Дантекъ и Джемсъ, одинъ знаменитый біологъ, другой
еще болѣе знаменитый психологъ, первый, по собственной
откровенной исповѣди, атеистъ, другой мистикъ по вѣрѣ.

Вотъ, что говоритъ **Ле-Дантекъ** въ своемъ „Атеизмъ“—со-
чиненіи, излагающемъ иррелигіозное credo автора. „Если нѣтъ
Бога, справедливость есть не болѣе, какъ наслѣдіе предковъ,
какъ и доброта, какъ и логика“, т.-е. все условно, абсолют-
наго нѣтъ ничего. Правда совѣсть не обязательна для ате-
иста, потому что, какъ и все, она наслѣдственна, но безъ
совѣсти даже и атеистъ представлялъ бы собою типъ ужъ
слишкомъ патологическій и уродливый. „Я утверждаю, за-
ключаетъ Ле-Дантекъ, что общество логическихъ послѣдо-
вательныхъ атеистовъ невозможно, потому что даже призна-
вая заблужденіемъ понятіе абсолютной отвѣтственности,
это понятіе все же остается заблужденіемъ соціально необ-
ходимымъ. Наоборотъ, общество атеистовъ, обладающихъ со-
вѣстью, представляется мнѣ вполнѣ возможнымъ, но на
условіи, чтобы они не разсуждали и безъ обсужденія при-
нимали бы данныя ихъ совѣсти“. Это—выводы соціального

характера, а личного, индивидуального еще тяжеле. Последовательный атеистъ не можетъ долго жить, онъ неизбежно приходитъ къ самоубійству по невыносимой тяжести своихъ страданій. Ле-Дантекъ сознается, что не разъ и онъ самъ покушался утопиться, но каждый разъ его спасала какая-нибудь непослѣдовательность: жалость къ семьѣ или чтонибудь другое въ томъ же родѣ. „Смерть, это-тріумфъ невѣрія“! восклицаетъ авторъ „Атеизма“. Атеистъ не боится смерти, потому что онъ не вѣритъ ни въ безсмертіе, ни въ судъ. Однако, онъ чувствителенъ къ страданіямъ и хуже вѣрующаго вооруженъ къ перенесенію ихъ. Не застрахованъ онъ и отъ унаслѣдованныхъ, подобно совѣсти, страховъ предъ неизвѣстнымъ будущимъ. „Ни цѣли, ни желанія, ни интересовъ“,—такова психологія невѣрія. „Истина, раскрываемая невѣріемъ, есть ужасъ наводящая истина, обезцѣнивающая жизнь и смѣняющая жажду существованія желаніемъ положить конецъ не зависящему отъ насъ бессмысленному и безцѣльному процессу“. *)

Послушаемъ теперь, что скажетъ другой упомянутый ученый **В. Джемсъ**.

„Религія,—говоритъ онъ въ своей книгѣ: „Многообразіе религіознаго опыта“,—придаетъ жизни отгѣнокъ очарованія, который не можетъ быть выведенъ рациональнымъ или логическимъ путемъ ни изъ чего другого.... Когда жизненная борьба кончается пораженіемъ, и все рушится вокругъ насъ, это чувство возвращаетъ къ жизни нашъ внутренній міръ, который безъ этого оставался бы безжизненной пустыней.... Религія дѣлаетъ для человѣка легкимъ и радостнымъ то, что при другихъ обстоятельствахъ для него является игомъ суровой необходимости. Если религія единственная сила, способная выполнить эту задачу, то цѣнность ея, какъ проявленія человѣческаго духа, стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній. Она получаетъ значеніе такого органа нашей душевной жизни, который выполняетъ функции, какихъ никакая другая сторона нашей природы не можетъ выполнить съ такимъ же успѣхомъ. Съ чисто біологической

*) По статьѣ Вл. А. Кожевникова: „Исповѣдь атеиста“. (Христ. Читеніе 1909 г. май).

точки зрѣнія это необходимое заключеніе, къ которому мы неминуемо должны были придти“ *) Такимъ образомъ, религіозная вѣра оказывается въ нашей жизни противоядіемъ, благодаря которому можно спасти себя отъ разочарованія, отъ горечи скептицизма, это—въ полномъ значеніи слова панацея отъ всѣхъ жизненныхъ золъ. „Всѣ изслѣдователи согласны въ томъ, что религія крѣпче всего привязываетъ человѣка къ жизни“ (Ив. В. Поповъ. Самоубійство), такъ какъ у нея для этого имѣются наиболѣе могущественныя средства: идея безсмертія и загробнаго воздаянія, также утѣшительная вѣра въ благой Промыслъ Небеснаго Отца. Религія, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ ежедневный опытъ вѣрующихъ людей, углубляетъ чувство жизни и самопроизвольное лишеніе себя ея становится стольже психологически труднымъ, даже невозможнымъ дѣломъ, какъ исторженіе глубоко ушедшаго корнями въ землю дерева.

Насколько религіозный догматъ спасителенъ для жизни, показываетъ, между прочимъ, примѣръ **А. Н. Толстого**. Примѣръ этотъ въ особенности тѣмъ и поучителенъ, что онъ показанъ человѣкомъ, отрицавшимъ и глумившимся надъ догматомъ Церкви, тогда какъ самъ былъ спасенъ именно догматомъ.

Какъ извѣстно, въ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія Толстой переживалъ тяжелый кризисъ гамлетовскаго „быть или не быть“.

Вотъ что говоритъ самъ о себѣ Л. Н. въ своей „Исповѣди“.

„Жизнь моя остановилась... Непреодолимая сила влекла меня къ тому, чтобъ какъ нибудь избавиться отъ жизни... И вотъ тогда я, счастливый человѣкъ, пряталъ отъ себя шнурокъ, чтобы не повѣситься на перекладинѣ между шкапами въ своей комнатѣ, гдѣ я каждый вечеръ бывалъ одинъ раздѣваясь и пересталъ ходить съ ружьемъ на охоту, чтобы не соблазниться слишкомъ легкимъ способомъ избавленія себя отъ жизни.

„Вопросъ мой тотъ, который въ пятьдесятъ лѣтъ привелъ меня къ самоубійству, былъ самый простой вопросъ,

*) В. Джемсъ. Многообразіе религіознаго опыта. Переводъ подъ ред. Лурье. Изд. „Русской Мысли“ Москва. 1910. стр. 42, 45—46.

лежащій на душѣ каждого человѣка, отъ глупаго ребенка до мудрѣйшаго старца, тотъ вопросъ, безъ котораго жизнь невозможна, какъ я это испыталъ на дѣлѣ“. Это вопросъ: „есть ли въ моей жизни такой смыслъ, который не уничтожился бы неизбѣжной, предстоящей мнѣ смертью?“

„И я искалъ объясненія на мои вопросы во всѣхъ тѣхъ знаніяхъ, которыя приобрѣли люди. И я мучительно и долго искалъ и не изъ празднаго любопытства, не вяло искалъ, но искалъ мучительно, упорно, дни и ночи,—искалъ, какъ ищеть погибающій человѣкъ спасенья,—и ничего не нашель.

„Я искалъ во всѣхъ знаніяхъ и не только не нашель, но убѣдился, что всѣ тѣ, которые такъ же, какъ и я, искали въ знаніи, точно такъ же ничего не нашли. И не только не нашли, но ясно признали, что то самое, что привело меня въ отчаяніе—безсмыслица жизни есть единственное несомнѣнное знаніе, доступное человѣку...

„Во все время этого года, когда я почти всякую минуту спрашивалъ себя: не кончить ли петлей или пулей,—во все это время, рядомъ съ тѣми ходами мыслей и наблюденій, о которыхъ я говорю, сердце мое томилось мучительнымъ чувствомъ. Чувство это я не могу назвать иначе, какъ исканіемъ Бога....

„Помню, говоритъ Толстой, это было ранней весной, я одинъ былъ въ лѣсу, прислушиваясь къ звукамъ лѣса. Я прислушивался и думалъ все объ одномъ, какъ я постоянно думалъ все объ одномъ и томъ послѣдніе три года. Я опять искалъ Бога...

„Но понятіе мое о Богѣ, понятіе-то это откуда взялось? И... при этой мысли во мнѣ поднялись радостныя волны жизни. Все вокругъ меня ожило, получило смыслъ... Такъ чего же я ищу еще? воскликнулъ во мнѣ голосъ. Такъ вотъ Онъ. Онъ есть то, безъ чего нельзя жить. Знать Бога и жить—одно и то же. Богъ есть жизнь.

„...И сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь, все освѣтилось во мнѣ и вокругъ меня. и свѣтъ этотъ уже не покидалъ меня...

„И я спасся отъ самоубійства... И странно, что та сила жизни, которая возвратилась ко мнѣ, была не новая. а самая старая, та самая, которая влекла меня на первыхъ порахъ моей жизни.

„Я вернулся во всемъ къ самому прежнему, дѣтскому и юношескому... Я вернулся къ вѣрѣ въ Бога, въ нравственное совершенствованіе и въ преданіе, передавшее смыслъ жизни... И такъ какъ сила жизни возобновилась во мнѣ, и я опять началъ жить“...

Отсюда Толстой дѣлаетъ слѣдующій многозначительный для насъ выводъ: „гдѣ жизнь, тамъ и вѣра; съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ человѣчество, существуетъ и вѣра, которая даетъ возможность жить, и главные черты вѣры вездѣ и всегда однѣ и тѣ же... Вѣра есть знаніе смысла человѣческой жизни, вслѣдствіе котораго человѣкъ не уничтожаетъ себя, а живетъ. Вѣра есть сила жизни. Если человѣкъ живетъ, то онъ бо что-нибудь вѣритъ. Если бы онъ не вѣрилъ, что для чего-нибудь надо жить, то онъ бы не жилъ. Понятіе безконечнаго Бога, божественности души, связи дѣлъ людскихъ съ Богомъ, единства, сущности души, понятія нравственнаго добра и зла суть понятія, безъ которыхъ не было бы жизни и меня самого“. Такъ, Толстой догматомъ вѣры спасъ себя отъ самоубійства и вернулъ себѣ здоровое ощущеніе „сладости бытія“.

Лишь подъ условіемъ вѣры становится для насъ яснымъ смыслъ міробытія, явною—тайна жизни, свѣтлымъ - мракъ исторіи. И, понявъ міръ и собственную жизнь изъ вѣры, не отрицая при этомъ, конечно, безспорныхъ данныхъ науки, мы примиряемся съ жизнью и спокойно продолжаемъ свой путь въ обѣтованную землю блаженства. Намъ предлагаютъ вѣрить въ человѣка, въ добро и другія цѣнности, чтобы совмѣстную жизнь сдѣлать болѣе человѣчной, счастливой; точно также должны мы вѣрить и въ Бога, какъ Высшее Существо и Благо, чтобы имѣть жизнь болѣе цѣнной и сладостной. Кто изъ насъ не хотѣлъ бы вернуть свое золотое дѣтство съ его свѣтлою радостью жизни, не отрекаясь, конечно, отъ своего настоящаго положительнаго содержанія? Единственнымъ средствомъ для этого опять является вѣра, преобразующая взрослыхъ въ дѣтей и вводящая ихъ вмѣстѣ съ дѣтьми въ чертоги царства небеснаго. И если Ле-Дантекъ, Джемсъ, Толстой,—люди не православнаго образа мыслей, даже, какъ одинъ изъ нихъ, атеисты, признаютъ эту сладость вѣры, то что сказать о святыхъ нашей Церкви: Сергіи, Серафимѣ,

Антоніи, Θεодосіи и т. д., объ этихъ свѣточахъ вѣры по преимуществу, этихъ малюткахъ въ мірѣ земномъ и великанахъ въ Царствѣ Божіемъ? Не оттого ли имъ жизнь, не смотря на всѣ тягости и невзгоды, казалась такой легкой и сладкой, не оттого ли такъ радостно несли они крестъ на своихъ бодрыхъ, хотя часто и согбенныхъ, плечахъ, что вѣра „спасе“ ихъ и шли они въ „мирѣ“? И эта сладость ихъ вѣры, аромать ихъ святого „житія“, подобно душистому меду, разлиты по страницамъ ихъ дивныхъ писаній.

4. Романическій типъ самоубійства.

Другой, романическій, типъ самоубійства возникаетъ на почвѣ не умственного разочарованія въ жизни, но сердечнаго. Высшей опоздированности этотъ типъ достигаетъ лишь въ томъ случаѣ, когда въ жизни самоубійцы отсутствуетъ грубый романъ со всѣми его тяжкими и въ то же время пошлыми послѣдствіями, когда не ревность или измѣна, не стыдъ или страхъ толкають человѣка на самоубійство, но сама любовь, царица жизни, становится виновницею смерти.

Психологія самоубійства въ послѣднемъ случаѣ такова. Любовь есть жажда внутренняго объединенія съ идеаломъ, сладостнаго сліянія одной души съ другою, потребность настроить свою жизненную арфу на всѣ высокія и низкія гаммы, расцвѣтить свою жизнь всѣми цвѣтами радуги. Сердце, чувствующее любовь, переживаетъ шахішм блаженства. Оно въ полномъ смыслѣ является тогда средоточіемъ жизни, солнцемъ всего внутренняго міра человѣка. И вотъ—представьте себѣ—это сердце, фокусъ жизни, поражено, насквозь пробито гранатой отчаянія. На его нѣжную, способную на всѣ жертвы, безконечную любовь отвѣчаютъ равнодушіемъ, иногда насмѣшкой, убійственной измѣной. Этотъ единственный инструментъ, на которомъ играетъ сама любовь пѣню вѣчности, разбитъ вдребезги. Свѣтъ жизни погасъ. Спектръ радужнаго счастья померкъ навсегда. Свѣтилище опустошено... Въмѣсто блаженства удѣломъ сталъ шахішм страданія. И при этомъ еще чувство полного безсилія, чѣмъ-нибудь помочь себѣ, такъ какъ и Архимедовъ рычагъ, способный перевернуть всю землю, не въ состояніи повернуть такой маленькой шарикъ, какъ сердце, въ ту или другую сторону. Какой смыслъ послѣ этого жить — спрашиваетъ тогда себя человѣкъ, и отвѣчаетъ:

„Даръ напрасный, даръ случайный“.

Наилучшій примѣръ влюбленнаго самоубійцы представляетъ Желтковъ изъ разсказа Куприна: „Гранатовый браслетъ“.

Сердце чиновника Желткова „Богъ поразилъ“ по выраженію Гамсуна, любовью къ княгинѣ Вѣрѣ Николаевнѣ Шеиной. Коллежскій регистраторъ и ея сіятельство—что тутъ общаго? Но для серьезной человѣческой любви что могутъ значить подобныя условности?

Въ день именинъ княгини Желтковъ прислалъ ей отъ себя подарокъ: небольшой ювелирный футляръ изъ краснаго плюша, заключавшій въ себѣ золотой браслетъ съ ярко-красными гранатами-кабошонами. вмѣстѣ съ браслетомъ княгиня нашла въ футлярѣ записку.

„Ваше Сіятельство,

Глубокоуважаемая Княгиня

Вѣра Николаевна!

„Почтительно поздравляя Васъ съ свѣтлымъ и радостнымъ днемъ Вашего Ангела, я осмѣливаюсь препроводить Вамъ свое скромное подношеніе“.

„Ахъ, это—тотъ!“—съ неудовольствіемъ подумала Вѣра, но все-таки дочитала письмо.

Передавъ далѣе исторію своего подарка, бывшаго фамильной драгоценностью, Желтковъ продолжалъ:

„Вы можете сейчасъ же выбросить эту смѣшную игрушку, или подарить ее кому-нибудь, но я буду счастливъ и тѣмъ, что къ ней прикасались Ваши руки“.

„Умоляю Васъ не гнѣваться на меня. Я краснѣю при воспоминаніи о моей дерзости, семь лѣтъ тому назадъ, когда Вамъ, барышнѣ, я осмѣливался писать глупыя и дикія письма и даже ожидать отвѣта на нихъ. Теперь во мнѣ осталось только благоговѣніе, вѣчное преклоненіе и рабская преданность. Я умѣю теперь только желать ежеминутно Вамъ счастья и радоваться, если Вы счастливы. Я мысленно кланяюсь до земли мебели, на которой Вы сидите, паркету, по которому Вы ходите, деревьямъ, которыя Вы мимоходомъ трогаете, прислугѣ, съ которой Вы говорите“ и т. д.

Раздумывая надъ тѣмъ,—показывать мужу или нѣтъ присланный подарокъ, Вѣра Николаевна боится лишь того.

что не только „этотъ несчастный будетъ смѣшонъ“, но и она вмѣстѣ съ нимъ. И опасенія эти имѣли основаніе. Князь Василій Львовичъ Шейнъ давно зналъ объ этомъ обожаніи своей жены мелкимъ чиновникомъ и какъ разъ именно сегодня потѣшалъ гостей между другими юмористическими рассказами и картинками, на которые онъ былъ весьма талантливъ, повѣстью: „Княгиня Вѣра и влюбленный телеграфистъ“.

— „Начало относится къ временамъ доисторическимъ“ — повѣствовалъ князь. „Въ одинъ прекрасный майскій день одна дѣвица, по имени Вѣра, получаетъ по почтѣ письмо съ цѣлующимися голубками на заголовкѣ...“

„Письмо содержитъ въ себѣ пылкое признаніе въ любви, написанное вопреки всѣмъ правиламъ орфографіи. ...Въ концѣ скромная подпись: „по роду оружія я бѣдный телеграфистъ, но чувства мои достойны милорда Георга“.

„Проходитъ полгода. Въ вихрѣ жизненнаго вальса, Вѣра забываетъ своего поклонника и выходитъ замужъ за красиваго молодого Васю, но телеграфистъ не забываетъ ея. Вотъ онъ переодѣвается трубочистомъ и, вымазавшись сажею, проникаетъ въ будуаръ княгини Вѣры. Слѣды пяти пальцевъ и двухъ губъ остались... повсюду: на коврахъ, на подушкахъ, на обояхъ и даже на паркетѣ“.

Далѣе слѣдуютъ новыя превращенія. „Наконецъ онъ умираетъ, но передъ смертью завѣщаетъ передать Вѣрѣ двѣ телеграфныя пуговицы и флаконъ отъ духовъ, наполненный его слезами“.

Такую комическую исторію сочинилъ князь Василій Львовичъ. Не такъ посмотрѣлъ на дѣло „дѣдушка“, генералъ Аносовъ, „тучный, высокій, серебряный старецъ“, къ которому сами Радецкій и Скобелевъ относились съ исключительнымъ уваженіемъ. Узнавъ отъ Вѣры Николаевны, въ чемъ дѣло,—какъ неизвѣстный маленькій чиновникъ началъ преслѣдовать ее своею любовью, еще за два года до ея замужества,—Аносовъ сказалъ ей:

— „Можетъ быть, это просто ненормальный малый, маніакъ, а—почемъ знать?—можетъ быть, твой жизненный путь, Вѣрочка, пересѣкла именно такая любовь, о которой грезятъ женщины и на которую болѣе не способны мужчины“.

Справедливымъ оказалось второе предположеніе. Вѣра

разказала мужу о подаркѣ. Началось совѣщаніе,—какъ прекратить подобныя выходки,—въ которомъ приняли участіе: князь, сама Вѣра и ея братъ. Особенно горячился послѣдній. Онъ хотѣлъ жаловаться губернатору, жандармскому полковнику и т. д., а когда Вѣра выразила жалость къ этому несчастному, онъ рѣзко замѣтилъ:

— „Жалѣть его нечего. Если бы такую выходку съ браслетомъ и письмомъ позволилъ себѣ человекъ нашего круга, то князь Василій послалъ бы ему вызовъ. А если бы онъ этого не сдѣлалъ,—то сдѣлалъ бы я. А въ прежнее время я бы просто велѣлъ отвести его на конюшню и наказать розгами“.

Вмѣсто всѣхъ жалобъ и преслѣдованій, и князь, и его шурина почли, однако, лучшимъ объясниться съ Желтковымъ лично. Найдя его въ убогой обстановкѣ, ютившимся чуть не на чердакѣ, они вернули ему гранатовый браслетъ и приступили къ объясненію, причѣмъ по-прежнему кипятился Николай Николаевичъ. Желтковъ признался во всемъ и, между прочимъ, заявилъ князю:

— „Трудно выговорить такую... фразу... что я люблю вашу жену. Но семь лѣтъ безнадежной и вѣжливой любви даютъ мнѣ право на это... Я знаю, что не въ силахъ разлюбить ее никогда... Скажите, князь... скажите,—что бы вы сдѣлали для того, чтобы оборвать это чувство? Выслать меня въ другой городъ, какъ сказалъ Николай Николаевичъ? Все равно и тамъ такъ же я буду любить Вѣру Николаевну, какъ здѣсь. Заключение меня въ темницу? Но и тамъ я найду способъ дать ей знать о моемъ существованіи. Остается только одно—смерть“. Затѣмъ, Желтковъ попросилъ у князя позволенія переговорить съ Вѣрой Николавной по телефону: „можно ли мнѣ остаться въ городѣ, чтобы хотя изрѣдка ее видѣть, конечно, не показываясь ей на глаза“. Князь, болѣе снисходительный, нежели шурина и своимъ добрымъ сердцемъ почувствовавшій, что онъ присутствуетъ при какой-то громадной трагедіи души,—разрѣшилъ ему сдѣлать это. Но княгиня Вѣра Николаевна не захотѣла говорить съ Желтковымъ. Она только отвѣтила: „Ахъ, если бы вы знали, какъ мнѣ надоѣла вся эта исторія. Пожалуйста, прекратите ее какъ можно скорѣе“.

На другой день княгиня Вѣра Николаевна прочла въ га-

зетѣ о самоубійствѣ чиновника Контрольной палаты Желткова, мотивированномъ растратою казенныхъ денегъ. Это ее ужасно разстроило. Она не знала, что это было: любовь или сумасшествіе. Но слова Аносова: „почемъ знать, можетъ быть, твой жизненный путь, пересѣкла настоящая, самоотверженная, истинная любовь“ не выходили у нея изъ ума.

„Въ 6 часовъ пришелъ почтальонъ и подалъ ей письмо отъ несуществовавшего уже въ живыхъ Желткова“.

Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ этого длиннаго и нѣжнаго письма.

„Я не виновата, Вѣра Николаевна, что Богу было угодно послать мнѣ, какъ громадное счастье, любовь къ Вамъ... для меня вся жизнь заключается только въ Васъ. Я теперь чувствую, что какимъ-то неудобнымъ клиномъ врѣзался въ Вашу жизнь. Если можете, простите меня за это... Я бесконечно благодаренъ Вамъ только за то, что Вы существуете. Я провѣрялъ себя—это не болѣзнь, не маниакальная идея—это любовь, которую Богу было угодно за что-то меня вознаградить. Пусть я былъ смѣшонъ въ Вашихъ глазахъ и въ глазахъ Вашего брата, Николая Николаевича. Уходя, я въ восторгѣ говорю: „*Да святится имя Твое*“. Восемь лѣтъ тому назадъ я увидѣлъ Васъ въ циркѣ въ ложѣ, и тогда же въ первую секунду я сказалъ себѣ: я ее люблю потому, что на свѣтѣ нѣтъ ничего похожаго на нее, нѣтъ ничего лучше, нѣтъ ни звѣря, ни растенія, ни звѣзды, ни человѣка прекраснѣе Васъ и нѣжнѣе. Въ Васъ какъ будто воплотилась вся красота земли... Я не знаю, какъ мнѣ кончить письмо. Отъ глубины души благодарю Васъ за то, что Вы были моей единственной радостью въ жизни, единственнымъ утѣшеніемъ, единой мыслью. Дай Богъ Вамъ счастья, и пусть ничто временное и житейское не тревожить Вашу прекрасную душу. Цѣлую Ваши руки“...

Княгиня поѣхала въ городъ (они жили на дачѣ) помотрѣть на покойника.

Хозяйка стала говорить ей про Желткова:

— „Если бы вы знали, что это былъ за чудный человѣкъ, пани. Восемь лѣтъ я его держала на квартирѣ, и онъ казался мнѣ совсѣмъ не квартирантомъ, а роднымъ сыномъ“.

— „Разскажете мнѣ что-нибудь о послѣднихъ минутахъ его жизни, о томъ, что онъ дѣлалъ и что говорилъ“,—попросила княгиня.

Хозяйка, между прочимъ, сообщала княгинѣ, какъ Желтковъ попросилъ ее повѣсить на икону Матери Божіей возвращенный ему браслетъ.

Когда Вѣра Николаевна вошла въ бывшую комнату Желткова, она увидѣла въ гробу покойника съ такимъ умиротвореннымъ выраженіемъ лица, какое раньше она наблюдала на маскахъ великихъ страдальцевъ—Пушкина и Наполеона.

Оставшись одна безъ хозяйки, княгиня Шеина „вынула изъ маленькаго бокового кармана кофточки большую красную розу, подняла немного вверхъ лѣвой рукойъ голову трупа и правой рукойъ положила ему подъ шею цвѣтокъ. Въ эту секунду она поняла, что та любовь, о которой мечтаетъ каждая женщина, прошла мимо нея“, та „большая любовь, которая повторяется только одинъ разъ въ тысячу лѣтъ“. *)

*) *Примѣчаніе.* Нижеприводимая вырѣзка изъ газеты весьма характерна, какъ по количеству лишившихъ себя жизни и покушавшихся на это людей, такъ особенно и по первому самоубійству романческаго, „желтковского“ типа.

„Вчера на М. Бронной подняли хорошо одѣтую дѣвушку и въ безсознательномъ состояніи отвезли во 2-ю городскую больницу, гдѣ, не приходя въ себя, больная скончалась. Врачи констатировали отравленіе уксусной эссенціей. При умершей оказалась записка, по которой удалось установить ея личность: М. П. Степанова, фабричная работница шустовскаго водочнаго завода.

„Степанова занимала комнату въ д. № 26, по М. Бронной улицѣ. Среди своихъ товаровъ она слыла очень развитой дѣвушкой, такъ какъ удѣляла много времени чтенію.

„Причины самоубійства Степанова изложила въ оставленномъ стихотвореніи:

Зачѣмъ тебя я увидала,
 Зачѣмъ плѣвилась я тобой?
 О чемъ я раньше разсуждала,
 Что ты не можешь быть со мною?
 Теперь ужъ поздно,—я влюбилась.
 Влюбилась страстно я въ тебя!
 Напрасно плакала, молилась,
 Но не могла забыть тебя.
 Прощай, прости и не суди.

„Нѣсколько времени назадъ она познакомилась съ регентомъ одного

На Желтковѣ я такъ долго остановился съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы показать всю серьезность и видимую поэзію самоубійства этого типа. Серьезность здѣсь прямо пропорциональна силѣ чувства, а поэтичность его красотѣ. И я лично считаю счастливымъ и преклоняюсь передъ тѣмъ, кто подобнымъ образомъ можетъ любить женщину. Но мнѣ не пріятенъ конецъ этой любви. Не слѣдуетъ думать прежде всего, что такой конецъ неизбеженъ, что барьеръ этотъ настолько высокъ, что его нельзя перескочить и остаться въ живыхъ, что за неудовлетвореніемъ этого чувства уже навѣкъ потеряна „сладость бытія“. Что конецъ этотъ, вообще говоря, не неизбеженъ, видно на примѣрѣ Викторіи, изъ повѣсти Кнута Гамсуна того же имени,—Викторіи, любив-

большого хора. Вскорѣ они полюбили другъ-друга. Однако, на пути къ взаимному сближенію оказалось препятствіе: онъ женатъ и имѣетъ дѣтей. Для Степановой это было страшнымъ ударомъ.

„Она—питомица Воспитательнаго дома и много времени отдала обычной у этихъ людей болѣзни—поискамъ своихъ родителей. Отчаявшись въ томъ, она стала упорно стремиться къ созданію своей семьи. Завѣтной мечтѣ не суждено было осуществиться, и она рѣшила умереть.

„Въ одной изъ записокъ, найденныхъ послѣ смерти Степановой, на клочкѣ бумаги можно прочесть, повидимому, недавно написанный библейскій стихъ изъ „Пѣсни пѣсней“: „Положи меня, какъ печать на сердце твое, какъ перстень на руку твою, ибо сильна, какъ смерть, любовь“...

„Покойной 21 годъ.

„Въ д. Григорьева, на 6-мъ проѣздѣ Новаго шоссе, въ Марьиной Рощѣ, застрѣлился 17-лѣтній сынъ домовладѣльца И. И. Григорьевъ.

„Личн. поч. гражд. М. А. Цвѣтковъ, 48-ми лѣтъ, повѣсился въ своей квартирѣ, въ д. Страховыхъ, по Никольскому пер., на Пречистенкѣ.

„Въ д. Пахомова, въ Усачевскомъ пер., повѣсился мѣщ. А. Аванасьевъ, 51 года.

„Во дворѣ Николаевского вокзала отравился укусной эссенціей кр. В. А. Творыксаниковъ. Доставленный въ Старо-Екатерининскую больницу, Творыксаниковъ умеръ.

„Вчера, ночью, на Срѣтенскомъ бульварѣ зарѣзался ножомъ кр. Кузнецовъ, 18-ти л. При покойномъ оказалась записка, съ обычной просьбой—въ смерти никого не винить.

„Въ д. Кононовой, по Мейеровскому проѣзду, 18-лѣтній сынъ домовладѣльцы, покушаясь на самоубійство, выпилъ нашатырнаго спирта.

„Въ ночь на 29-е ноября на Кожоревскомъ бульварѣ дворянинъ Л. А. Талановъ, 21-го года, выстрѣломъ изъ револьвера, нанесъ себѣ рану ниже сердца.

„Служащій въ булочной Филиппова, на Тверской, кр. Андрей Кусковъ и т. д...

И все это въ одинъ день и въ одной Москвѣ!

шей Иоганнеса не меньше Желткова и, однако, не убившей себя, а давшей себѣ естественно сгорѣть въ огнѣ своихъ чувствъ.

Но этого мало. Конечно, только сердцемъ мы можемъ чувствовать „сладость бытія“, высшая мѣра которой дана намъ въ любви. Совершенно вѣрно, что наше сердце какъ бы сотворено для любви, и притомъ не одинокой любви, а взаимной. Но вѣдь нельзя же произвольно ограничивать потребность и способность нашей души къ безконечной любви однимъ временнымъ, конечнымъ объектомъ. Пусть святилище нашей души будетъ опустошено, пусть наша сильная, прекрасная, но человѣческая любовь останется безъ отвѣта. Вѣдь за порогомъ, за внутренней завѣсой этого святилища человѣческой любви лежитъ еще „святое-святыхъ“ любви божественной, куда нашъ, жаждущій преклоненія, духъ самъ собою рвется, какъ къ своей послѣдней цѣли, какъ къ наивысшей святынь, чтобы здѣсь у подножія трона Бога-Любви излиться въ сладостныхъ слезахъ восторга и растаять отъ прикосновенія, отъ объятій Всеблаженнаго. И отсюда уже насъ никто не выгонитъ, такой любви некому оттолкнуть, некому осмѣять; она будетъ взаимна, она будетъ раздѣлена Самимъ Богомъ и на всю вѣчность. За спектромъ семи цвѣтовъ радуги лежатъ новые спектры лучей ультрафіолетовыхъ и инфракрасныхъ, уловляемыхъ, впрочемъ, не простымъ глазомъ, а особыми аппаратами. Такъ, за предѣлами любви человѣческой лежитъ безконечная область любви божественной, доступной сердцу праведниковъ. Пусть судьба разобьетъ нашу земную арфу, сломаетъ наше человѣческое счастье, мы не сиемъ изъ-за этого убивать себя: въ насъ еще остается несокрушимый никакимъ ударомъ божественный органъ, своими небесными сладкими звуками заглушающій „скудную пѣсню земли“; намъ остается еще, если мы имѣемъ вѣру (здѣсь-то она и являетъ всю свою спасительность), надежда вступить въ царство новой высшей любви, въ царство сверхъ—человѣческаго блаженства.

Носителями такой, божественной любви являются всѣ христіанскіе святые и особенно великіе изъ нихъ, такъ какъ и между святыми, какъ звѣздами, есть разница въ силѣ блеска. Правда, вышность ихъ по большей части малопривлекательна. Ихъ чаще можно встрѣтить въ пустыняхъ, нежели

въ столицахъ; въ пещерахъ, чѣмъ во дворцахъ. Одѣты они въ рубища, а не въ пурпуръ, обуты въ сандалии, а не шелковые чулки. Пища ихъ—хлѣбъ, а не устрицы, питье—вода, а не шампанское. Лица ихъ блѣдны, а не нарумянены, изъ устъ ихъ слышатся вздохи, а не взрывы оглушительнаго хохота. Но—что изъ этого? Вѣдь мы говоримъ о сладости любви, а не о сытости желудка. Желтковъ былъ ничтожнымъ чиновникомъ, но чувствовалъ себя счастливымъ князя. Кто-то сказалъ: я хотѣлъ бы быть лучше несчастнымъ гениемъ, чѣмъ счастливымъ дуракомъ*). То же самое можно сказать и о любви. Если ужъ необходимъ выборъ: то лучше быть нищимъ и любить, чѣмъ милліардеромъ и не знать любви. Лучше жить съ обворованнымъ карманомъ, чѣмъ съ обокраденнымъ сердцемъ.

Викторъ Гюго далъ намъ портретъ „Человѣка, который смѣется“. Подвижникъ наоборотъ, являетъ собою типъ „человѣка, который плачетъ“. **„Человѣкъ, который смѣется“**, это не уникъ, а—очень распространенный типъ. Его можно встрѣчать всюду: въ семьѣ, между товарищами, во всякомъ домѣ и на каждой улицѣ. Онъ веселъ, жизнерадостенъ, верещитъ, какъ сорока, скачетъ, какъ бѣлка; общителенъ, дѣловитъ, много кушаетъ, не страдаетъ бессонницей. И вдругъ, вы узнаете: этотъ весельчакъ отравился или бросился подъ поѣздъ. Все удивляются: такой жизнерадостный и какой печальный конецъ! Но вѣдь онъ же былъ „человѣкъ, который смѣется“. Его внѣшность была маской. Въ то время, когда онъ рассказывалъ вамъ смѣшныя анекдоты, онъ держалъ въ карманѣ пузырекъ съ ртутью. Когда онъ вамъ пѣлъ залихватскія пѣсни, его сердце грызла тоска, насквозь прокалывала игла сомнѣнiя. Внутри онъ былъ „человѣкъ, который плачетъ“.

Всмотритесь теперь въ человѣка, „который плачетъ“, и вы найдете; что въ душѣ онъ — „человѣкъ, который смѣется“. Примѣромъ можетъ служить † оптинскiй старецъ Амвросiй. Всю почти свою долгую жизнь онъ проболѣлъ, жилъ въ тѣсной кельѣ, кушалъ, какъ ребенокъ, не пилъ

*) „Одинъ златолюбецъ гдѣ-то сказалъ: „желаю тебѣ лучше каплю счастья, нежели бочку ума“. Но мудрецъ возразилъ ему: „для меня лучше капля ума, нежели море счастья“. (Св. Григорiй Богословъ. „Счастье благоразумiе“).

отдыха отъ посятителей. По вѣншему облику жизни онъ „плакалъ“. Но чистая душа его, отъ полноты божественной любви, была радостной, смѣющейся, и эта радость часто проливалась наружу въ очаровательныхъ улыбкахъ, въ полныхъ остроумія рѣчахъ, въ неземномъ свѣтѣ лица. Жизнь подобнаго человѣка уже застрахована отъ всякихъ самопокушеній. Что внутреннее блаженство такихъ людей не иллюзія, а фактъ, объ этомъ одинаково говорятъ и слова, и дѣла ихъ.

Макарій Великій, напр., говоритъ о душѣ человѣка, вступившаго въ неизреченное общеніе любви съ Богомъ, что все въ ней становится тогда свѣтомъ, все—радостію... все—веселіемъ, все—любовію... все подобнымъ Христу. Что можетъ быть лучше этого, если ваша душа вся, безъ остатка, едѣлается любовью, какъ сундукъ, полный чистаго золота, какъ колбе, сплошь составленное изъ настоящихъ, а не фальшивыхъ, жемчужинъ.

Пр. Павелъ Фивейскій около ста лѣтъ провелъ въ пустынѣ. На что это указываетъ? Могъ ли человѣкъ всѣ сто лѣтъ гоняться за тѣнью, ловить призраки? Конечно, онъ въ себѣ самомъ носилъ сокровище, отъ сладости обладанія которымъ онъ отвергъ всѣ другія цѣнности.

Любовь человѣческая есть образъ любви Божественной. Счастливъ и тотъ, кто носитъ на груди портретъ любимаго; но сто-кратъ блаженнѣе тотъ, кто лобзаетъ въ самыя уста своего Возлюбленнаго.

Э П И Л О Г Ъ.

И такъ, стоитъ ли жить?

„Быть или не быть?“—

„Проклятый вопросъ“, волновавшій человѣка за многое множество вѣковъ еще до Шекспира и Гамлета и обострившійся особенно теперь, въ эпоху эпидемическихъ самоубійствъ, когда образуются даже лиги самоуничтоженія и пессимизмъ † философа Гартмана начинается, повидимому, воплощаться въ конкретныя формы.

Вотъ какъ, скажу сначала, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ, съ точки зрѣнія только физическаго стимула бытія, одинъ изъ цитированныхъ выше писателей.

„Уголь Певскаго и Литейнаго. Зима. Вечеръ. Оттепель.“

„Влажный туманъ поднимается изъ земли и давитъ улицу. Сквозь его завѣсу не видно домовъ, но огромными голубыми и оранжевыми пятнами сияютъ электрическіе фонари, багрово горятъ окна кинематографовъ, и вдругъ вырастаютъ золотые злобные глаза ревущихъ автомобилей. Пѣшеходы, экипажи, моторы, трамвай, мальчишки лавами вливаются въ этотъ перекрестокъ, задерживаются и кружатся въ немъ, какъ въ водоворотѣ и растекаются дальше. Шерсть на лошадяхъ вскурчавлена и дымится. И надъ людьми колеблются испаренія.

„Какая толпа! Точно весь городъ безконечными лентами развертывается передъ глазами. Говоръ, смѣхъ, кашель, топоть, звонки, окрики, гудки и непрерывное, головокружительное движеніе. Лишь въ самомъ центрѣ сутолоки, величественный и спокойный, какъ монументъ, дирижируетъ толпою, при помощи своей бѣлой палочки, краснолицый и толстый городской.

„...Трамвай останавливается, не доходя до перекрестка. Я вспоминаю о своей усталости и хочу сѣсть въ вагонъ, отдохнуть. Но, Боже мой, какая дикая, яростная орда осаждастъ вагонныя ступеньки! Угрожающе поднятые вверхъ локти, цѣпляющіеся пальцы, тѣнящаяся бедра, лица, искривленные злостью и нетерпѣіемъ.

„Господа мужчины! Интеллигенты! Джекельтмены! Покровители слабыхъ!.. Вопросъ всего въ пятакѣ—не толкайте женщинъ, не давите дѣтей! Дамы! вы! украшеніе міра, лучшіе перла въ коронѣ Создателя, образъ ангеловъ на землѣ! Вообразите себѣ самихъ себя, лѣзущихъ на площадку съ мужествомъ и манерами пожарнаго солдата, стремящагося по лѣстницѣ въ огонь. Руки ваши растопырены врозь, шляпка на боку... Подумайте, съ какой грустью созерцаетъ это зрѣлище случайный юноша прохожій—въ душѣ идеальность и романтикъ.

„Да не изъ чего было и ссориться. Вагонъ тронулся и посмотрите все утряслось, умялось, разсѣднесь, всемъ хватило мѣста“... И взглядъ автора благодушно перебѣгаетъ съ одного лица на другое. Вотъ почтенная дама, съ очаровательнымъ мальчикомъ. „На немъ бѣлая шапочка и бѣлое пальцецо изъ мохнатого блестящаго плюша. Такой прелестный бѣлый мѣдведежонокъ съ розовой мордочкой и умными

черными глазами“. Вот дѣвушка отъ портнихи въ веснушкахъ и съ багажемъ, педагогъ, „страдающій давнишнимъ разстройствомъ печени.“ Тамъ сидитъ „толстый сѣдоусый отставной полковникъ“, барышня, берущая уроки музыки, два подрядчика, старушка, —любительница посуляжничать, аптекарскій ученикъ, акушерка, супружеская чета: онъ—статистикъ, она—женщина-врачъ; оба въ пенснэ. „Въ самомъ углу, слегка прислонившись къ стѣнкѣ, полузакрывъ глаза, спрятавъ руки въ муфточку изъ сѣренькаго, шелковистаго шениля, сидитъ дама или дѣвушка, съ милымъ-милымъ ласковымъ лицомъ, созданнымъ для улыбки счастья. А противъ нея златокудрый, румянощекій студентъ... И вотъ я вижу, какъ онъ и она невинно и невольно ищутъ взглядовъ другъ друга, встрѣчаются на мигъ, точно нечаянно, глазами и сейчасъ же разбѣгаются, и опять сталкиваются, и опять уклоняются куда-то въ сторону“...

То, что каждый изъ насъ наблюдаетъ въ трамваѣ, повторяется, конечно, въ большемъ масштабѣ, и въ жизни. Наша земля—тоже трамвай, „несущійся по какой-то загадочной спирали въ вѣчность. Вагоновожатый впереди нея незримое никѣмъ, покорное своимъ таинственнымъ законамъ Время. Кондукторъ—Смерть.

— „Синимъ билетамъ конецъ!—возглашаетъ судьба. просунувъ голову въ дверь.

„У меня какъ разъ синій. „Конецъ, такъ конецъ“, думаю я. И я выхожу изъ трамвая на улицу, въ туманъ. тьму и грязь.

„Милая барышня съ серебристой муфточкой!.. когда наступитъ конецъ вашему билету, ступайте безъ ропота въ темноту. Теперь васъ, навѣрно, дома ждетъ обычный чай съ крекельками и надобвшія картины на стѣнахъ, разговоръ о театрѣ, о литературѣ, о сегодняшнихъ газетахъ. А тамъ, на главной станціи—почемъ знать?—можетъ быть, мы увидимъ сияющіе дворцы подъ вѣчнымъ небомъ, услышимъ нѣжную, сладкую музыку, насладимся ароматомъ невиданныхъ цвѣтовъ. И всѣ будемъ прекрасны, веселы, цѣломудренно-наги, чисты и преисполнены любви.

„Но объ одномъ умоляю: не сходите съ трамвая до полной остановки. Нерасчетливо, глупо и некрасиво“.

Этотъ рассказъ Кунрина („Въ трамваѣ“) я рекомендовалъ

бы прочитавъ сполна всякому пессимистически настроенному мношѣ и барышнѣ.

Если одна физическая „сладость бытія“ заставляетъ свѣтскаго писателя преждевременно - произвольный уходъ съ трамвая жизни назвать „нерасчетливымъ, глупымъ и некрасивымъ“, то что сказать про тотъ же уходъ съ точки зрѣнія вѣры и любви, этихъ высшихъ цѣнностей, сладостей бытія?

Безумно, безнравственно, безбожно!

„Страна, гдѣ мы впервые вкусили сладость бытія“, въ широкомъ смыслѣ слова это—вся наша земля. Пусть для многихъ она оказывается юдолью скорьби, „страной“ *проклятыя* но наступитъ время, когда она будетъ и „страной“ *благословенья*. И тотъ, кто теперь отказывается дѣлить ея горести, уже не достоинъ будетъ раздѣлять ея радости, такъ какъ онъ отрекся отъ нея.

Но не будутъ ли самоубійствомъ съ точки зрѣнія именно „сладости бытія“, такіе акты добровольнаго отказа отъ жизни, какъ самоотверженіе врача, заражающагося чумной бациллой, война, проливающая кровь за отечество, самоотреченіе подвижника, мученическая смерть и т. д.? Нѣтъ, это не самоубійство! Здѣсь нѣтъ отвращенія, ненависти къ жизни, желанія заснуть навѣки. Здѣсь не отрицается жизнь, а, наоборотъ, утверждается, во-первыхъ, въ отношеніи къ тѣмъ, за кого эта жертва приносится, а во-вторыхъ, и въ тѣхъ, къ которымъ она приносится. Вѣдь, это высшая радость, высшее счастье, высшая любовь — „положить душу свою за други своя“. Поэтому, если жизнь, вообще говоря, прекраснѣе смерти, то смерть, какъ жертва любви, прекраснѣе жизни.

Свою лекцію я окончу слѣдующей картинкой. Передъ нами—гора. У подножія ея льется кровь за отчизну и свободу. Ступенью выше—врачи, заражающіеся тифомъ, холерой, чумой; сестры милосердія, перевязывающія раны подъ градомъ боевыхъ снарядовъ; ученые, производящіе рискованные опыты и т. д. Подъ ними подвижники въ пещерахъ и затворахъ, на столпахъ и даже, какъ птицы, на вѣтвяхъ деревьевъ. А еще выше кипятъ костры, сжигающіе мучениковъ, скрипятъ зубчатые колеса, дробящія ихъ кости, поднимаются и опускаются обогранные ихъ теплою кровью мечи... А выше всѣхъ, на самомъ теменіи горы, виденъ крестъ съ

распятой на немъ за весь міръ Божественной Любовью. Назовемъ ли эту гору—горой самоубійствъ и этотъ крестъ — хоругвию смерти? Нѣтъ, это—гора страждущей любви, а —

Этотъ крестъ, этотъ Агнецъ въ крови,
эта Жертва красы безконечной, —
высшій, символъ небесной любви,
знамя жизни и радости вѣчной.

ПРИЛОЖЕНИЕ *).

Въ литературѣ послѣднихъ дней имѣются два произведенія, на которыя можно смотрѣть, какъ на протестъ противъ крайне нездороваго извращенія инстинкта жизни, какъ на пародію декадентствующаго отрицанія жизни во имя мнимовищей красоты смерти. Правда, смерть можетъ быть прекрасной, но не смерть самоубійцы, томящагося жизнью и мѣлющаго отъ какихъ-то предвкушеній незаслуженнаго блаженства. Прекрасная, „вѣчная“ смерть, это—смерть героическая, которая является подвигомъ любви и совершается не во имя смерти самой по себѣ, а ради опять-таки жизни, какъ жертва, а не блажь.—Два произведенія, о которыхъ идетъ рѣчь и которыя по затронутой въ нихъ темѣ близко подходятъ къ предмету лекціи, суть: „Жизнь и смерть“—И. Д. Боборыкина и „Сказка“—М. Горькаго.

Первое изъ названныхъ произведений—повѣсть Боборыкина: „Жизнь и Смерть“ **), выдвигаетъ двѣ пары: Радина и Елену, Кирова и Вѣру, два противоположные типа людей. Первая пара въ неясныхъ декадентскихъ поискахъ смысла жизни тяготѣетъ къ смерти, другая хочетъ наслаждаться жизнью въ ея реальномъ видѣ. Авторъ, разумѣется, на сторонѣ второй пары. Настроеніе же первой пары, особенно Радина, какъ лидера упадочниковъ, онъ не прочь даже назвать „психопатическимъ“.

*) „Приложеніемъ“ эта часть статьи названа потому, что она была написана послѣ прочтенія лекціи, такъ какъ и самыя произведенія Боборыкина и Горькаго которыя въ ней излагаются, напечатаны были позже 2 Дек.

**) Напечатана въ „Ежемѣсячныхъ литературныхъ и популярно-научныхъ приложеніяхъ“ къ Нивѣ за 1912 годъ, въ октябрьской (193—216 стр.), ноябрьской (349—376 стр.) и декабрьской (547—574 стр.) книжкахъ.

Характеренъ діалогъ Радина съ Еленой. Радинъ бесѣдуетъ о смерти:

— „Она одна не обманеть! Въ ней одной—вѣчная красота, великая и непроницаемая тайна!

— „Что же это?“—наивно промолвила Елена, не понимая, о чемъ онъ говоритъ.

— „Смерть—замедленно проговорилъ онъ.

— „Смерть? Но зачѣмъ вы призываете ее въ эту минуту?“.

Елена, почти влюбленная въ Радина, ждала отъ него словъ нѣжныхъ, ласкъ признанія, а онъ ей проповѣдуетъ о смерти!

— „Не страшиться ея надо“—продолжалъ Радинъ, а сливаться къ нею всѣмъ своимъ существомъ.

— „Но я жить хочу, Климентъ Сергѣичъ.

— „Это одно и то же. Но жизнь можетъ грязнить, а смерть никогда.“

Этотъ „любвникъ смерти“, какъ Боборыкинъ именуеть Радина устами одного изъ дѣйствующихъ лицъ повѣсти, подарилъ Еленѣ изящный томикъ своихъ декадентскихъ стишковъ съ „посвященіемъ“, въ которомъ одновременно было: и признаніе въ любви, и призывъ къ „небытію“.

Елена, дотогѣ вся принадлежавшая міру выверка, или прожигательница жизни, какъ ее называетъ авторъ повѣсти, не можетъ понять такого страннаго настроенія поэта.

— „Зачѣмъ—спрашиваетъ она Радина: тутъ же, въ этомъ чудномъ... посвященіи—призывъ къ небытію?

— „Зачѣмъ?—повторилъ онъ.—Но гдѣ же наши души могутъ слиться такъ всецѣло, какъ не тамъ... по ту сторону завѣсы вѣчности?...

— „Я не знаю,—промолвила Елена.

— „Любовь только вѣстникъ изъ того міра, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія.

„Она почти испуганно взглянула на него и спросила:

— „Вы... развѣ не хотите жить?

— „Здѣсь, въ этой долинѣ скорби, мы только претерпѣваемъ существованіе. И какое блаженство... двумъ душамъ, которыя долго искали одна другую, въ одинъ и тотъ же мигъ очутиться тамъ, гдѣ нѣтъ ни времени, ни пространства, а только несказанное блаженство“.

Говоря это, Радинъ какъ бы вошелъ въ трансъ: голосъ его дрожалъ, глаза закатывались и Елена отъ его вида едѣвалось жутко.

Кировъ, которому Радинъ былъ противенъ всѣмъ своимъ существомъ, не только какъ соперникъ по любви къ Еленѣ, но и какъ декадентъ-психопатъ, увидѣлъ въ проповѣди смерти нѣчто анархическое.

— „Это—послѣдній крикъ умственной и нравственной анархія“—предостерегалъ онъ Елену.

— ... „Тутъ—что-то оварное, извращенное, или рисовка, подъ которой нѣтъ никакого содержанія, необузданная и психопатическая проповѣдь мертвечины, „нѣтовщины“, худшая секты „Морильщиковъ“ и, тѣмъ болѣе, буддѣйской нирваны“.

Кировъ, присутствовавшій на чтеніи Радинымъ своихъ стиховъ, вступилъ въ полемику съ ненавистнымъ ему „психопатомъ“, чтобы освободить Елену изъ-подъ гипноза Радина.

Радинъ читалъ:—„Кто же изъ насъ не преклонится передъ Великой Искупительницей, которую жалкіе смертные, какъ подлые трусы, такъ страшатся и такъ клеветуютъ на нее? И на мѣщанскій мелкожуирный кличъ: „Да здравствуетъ жизнь!“ — мы отвѣтимъ другимъ кличемъ: „Да здравствуетъ смерть!“

Это окончательно взбѣсило Кирова.

— „Что такое смерть, передъ которой вы такъ восторженно преклоняетесь? Развѣ это особое существо?“—бросилъ онъ Радину...

Однако, изъ его диспута съ Радинымъ ничего не вышло. Елена продолжала быть очарованною „психопатомъ“. Радинъ убѣдилъ ее развестись съ мужемъ и покончить самоубійствомъ вслѣдъ за нимъ, когда онъ, уйдя въ иной міръ будетъ звать ее оттуда словами поэта:

..Сердечный другъ, желанный другъ!

„Приди, приди!.. Я твой супругъ!“

Елена, дѣйствительно, вскорѣ получила депешу съ двустиншіемъ, написаннымъ рукою Радина. Это означало, что Радинъ покончилъ съ собой и приглашаетъ теперь Елену сдѣдовать за нимъ.

Бурная сцена разрыва съ мужемъ и особенно депеша такъ разстроили Елену, что она впала въ жестокую истерику. И она, можно думать, послѣдовала бы за Радинымъ,—такую

власть онъ приобрѣлъ надъ нею своимъ развѣнчаніемъ жизни и воспріятіемъ смерти,—если бы не Кировъ. Онъ далъ понять Еленѣ, что все это нелѣпо, дико, упадочно; какъ все это полно больной блажи и совсѣмъ даже не красиво.

Елена опомнилась. Что же касается послѣдняго изъ четырехъ названныхъ лицъ повѣсти—Вѣры, другой виверки, другой „прожигательницы жизни“ въ домѣ Подгурекныхъ: то, несмотря ни на внѣшнія достоинства этой женщины, ни на сходство, даже родство настроеній между нею и Кировымъ, она не могла его плѣнить собою. чего ей такъ хотѣлось. Ей оставалось лишь вмѣстѣ съ нимъ ухаживать за Еленой, спасать ее отъ психопата Радина для любимаго ею самого человѣка.

„Сказка“ *) М. Горькаго еще рѣзче подчеркиваетъ безсмыслие проповѣди „ухода изъ жизни“. Если къ первому изъ двухъ произведеній примѣнимо названіе *протеста* по характеру главнаго противника Радина-Кирова, то второе именно является *пародіей*: такъ много здѣсь ироніи, сатиры и даже сарказма.

„Долго жилъ Евстигней Закивакинъ въ тихой скромности, въ робкой зависти и вдругъ неожиданно прославился.

„А случилось это такъ: однажды, послѣ роскошной пирушки, онъ истратилъ послѣднія свои шесть гривенъ и, проснувшись наутро въ тяжеломъ похмѣльѣ, весьма удрученный, сѣлъ за свою привычную работу: сочинять объявленіе въ стихахъ для „Анонимаго бюро Похоронныхъ процессій“.

„Сѣлъ и, проливъ обильный потъ, убѣдительно написалъ:

„Бьютъ тебя по шеѣ или въ лобъ,—

„Все равно, ты ляжешь въ темный гробъ...

„Честный человѣкъ ты или прохвостъ,—

„Все-таки оттащить на погостъ...

„Правду ли ты скажешь, или соврешь,—

„Это все едино: ты умрешь!..

„И такъ далѣе въ этомъ родѣ, аршина полтора“.

Свою работу Закивакинъ понесъ было въ „Бюро похоронныхъ процессій“, но тамъ отказали.

*) Напечатана въ одномъ изъ декабрьскихъ № № „Русскаго Слова“, за 1912 г.

„Въ гибельномъ настроеніи духа ходитъ онъ по улицамъ и вдругъ видитъ: вывѣска, а на ней черными буквами по бѣлому полю сказано:

„Жатва Смерти“.

— „Еще похоронное бюро, а я и не зналъ!—обрадовался Евстигней.

„Но оказалось, что это не бюро, а редакція новаго безпартийнаго и прогрессивнаго журнала для юношества и самообразования. Закивакина ласково принялъ самъ редакторъ-издатель Мокей Говорухинъ, сынъ знаменитаго салотопы и мыловара Антипы Говорухина, парень жизнѣдѣтельный, хотя и художный.

„Посмотрѣлъ Мокей стихи,—одобрилъ:

— „Ваши, — говоритъ, — вдохновенія какъ-разъ то самое, еще ни кѣмъ не сказанное слово новой поэзіи, въ поиски за которымъ я и снаряжился, подобно аргонавту Герострату...

„Конечно, все это онъ вралъ по внушенію странствующаго критика Лазаря Сыворотки, который тоже всегда вралъ, чѣмъ и создалъ себѣ громкое имя.

Въ редакціи Евстигнейю повезло: стихи его были приняты, подъ условіемъ подписи псевдонимомъ. Редакторъ предложилъ ему подписаться „Смертяшкинымъ“ ради стиля.

— „Все равно,—сказалъ Евстигней.—Мнѣ абы гонораръ получить: ѣсть очень хочется...

„Онъ былъ парень простодушный.

„И черезъ нѣкоторое время стихи были напечатаны на первой страницѣ первой книги журнала, подъ заголовкомъ:

„Голосъ вѣчной правды“.

Евстигнейя постигла слава поэта. Его стали расхваливать приглашать въ дома на свадьбы, похороны и поминки, печатать, читать, благодарить...

Да и самъ онъ сталъ зазнаваться: вырядился, говорилъ томнымъ голосомъ, разводя глаза:

— „Ахъ, какъ это пошло—жизненно!“

Прочелъ заупокойную службу и сталъ употреблять разныя „мрачныя“ выраженія: „всеу“ и пр.

Еще болѣе утверждали его въ самомнѣніи разныя критики, источавшіе его „гонорарій“ и внушавшіе ему:

— „Углубляйся Евстигней, а мы поддержимъ.“

„И, дѣйствительно, когда вышла книжка „Некролога мечтаній и эпитафій желаній, поэзы Евстигнея Смертяшкина“, то критики весьма благосклонно отмѣтили глубокую могильность настроеній автора“.

На радостяхъ „Евстигнейка“ даже рѣшиль жениться на нѣкой Нимфодорѣ Завалишкиной.

„Она давно ожидала этого и, упавъ на грудь его, воркуеть, разлагаясь отъ счастья:

— „Я согласна ятти къ смерти рука-объ-руку съ тобою!

— „Обреченная уничтоженію!—воскликнулъ Евстигней.

„Нимфодора же, смертельно раненая страстью, отзывается:

— „Мой безслѣдно исчезающій!

„Но тотчасъ, вполнѣ возвратясь къ жизни, предложила:

— „Мы обязательно должны устроить сильный бытъ!

„Смертяшкинъ уже ко многому привыкъ и сразу поиялъ.

— „Я, — говорить, — конечно, недосягаемо выше всѣхъ предразсудковъ, но если хочешь, давай обвинчаемся въ кладбищенской церкви!

— „Хочу ли? О, да! И пусть всѣ шафера тотчасъ послѣ свадьбы застрѣлятся!

— „Всѣ, пожалуй, не пойдутъ на это, а Кукинъ можетъ,— онъ уже семь разъ стрѣлялся.

— „И чтобы священникъ былъ ста-аренькій, знаешь такой... накануне смерти.

„Смертяшкинъ настолько воодушевился, что даже безъ особаго труда стихи сочинилъ и прошепталъ ихъ чернымъ шоломомъ въ ухо будущему скелету возлюбленной:

„Чү, смерть стучить рукою честной

„По крышкѣ гроба, точно въ бубень,

„Я слышу зовъ ея такъ ясно

„Сквозь пошлый хаосъ скучныхъ будень!

„Жизнь спорить съ нею, лживымъ ключемъ

„Зоветь людей къ своимъ обманамъ;

„Но мы съ тобой не увеличимъ

„Числа рабовъ, плѣнныхъ ею!

„Нась не подкупишь ложью сладкой,

„Вѣдь, знаемъ мы съ тобою оба,

„Жизнь—только мигъ, больной и краткій,

„А смыслъ ея—подъ крышкой гроба!

— „Какъ мертво!—восхищалась Нимфодора.—Какъ тупо-могильно!

„Она всё эти штуки превосходно понимала.

„На сороковой день послѣ этого они вѣнчались у Николы на Тычкѣ, въ старенькой церкви, тѣсно окруженной самодовольными могилами переполненнаго кладбища. Ряди стилия свидѣтелями брака подписались два могильщика, шаферами были завѣдомые кандидаты въ самоубійцы; въ подружки невеста выбрала трехъ истеричекъ, изъ которыхъ одна уже вкушала искусную эссенцію, другія готовились къ этому, и одна дала честное слово покончить съ собою на девятый день послѣ свадьбы.

„А когда вышли на паперть, шаферъ, прыщеватый парень, изучавшій на себѣ дѣйствіе салъварсана, открывъ дверь кареты, мрачно сказалъ:

— „Вотъ катафалкъ!

„Новобрачная, въ бѣломъ платьѣ съ черными лентами и подъ черной фатой, умирала отъ восторга, а Смертяшкинъ влажными глазами оглядывая публику спрашивалъ шафера:

— „Репортеры есть?

— „И фотографъ...

— „Не шевелись, Нимфочка...

„Репортеры, изъ уваженія къ поэту, одѣлись факельщиками, а фотографъ—палачемъ, жители же,—имъ все равно, на что емотрѣть, было бы забавно,—жители одобряли:

— „*Quel chic!*

„И даже какой-то вѣчно голодающій мужичокъ согласился съ ними:

— „*Charmant!*

— „Да-а.—говорилъ Смертяшкинъ новобрачной за ужиномъ въ ресторани, противъ кладбища:—мы прекрасно похоронили нашу юность! Вотъ именно это и называется побѣдой надъ жизнью!

— „Ты помнишь, что это все мои идея?—спросила нѣжно Нимфодора.

— „Твой? Развѣ?

— „Конечно!

— „Ну... все равно:

„Я и ты—одна душа и тѣло!

„Мы съ тобой тецерь навѣки слиты.

„Это смерть такъ мудро повелѣла,
„Мы—ея рабы и сателлиты...

Не смотря, однако, на такую „глубокую могильность“ настроенія супруговъ, не смотря на ихъ частыя конфликты, у нихъ родилось дитя—дѣвочка.

Люльку, по настоянію Нимфодоры, заказали въ видѣ гробика, чтобы публика и критика не могли упрекнуть поэта смерти въ раздвоеніи и неискренности.

Нимфодора оказалась дамой весьма хозяйственной: солила огурцы, собирала всѣ реценціи о мужѣ, неодобрительныя уничтожая, а похвальныя издавая отдѣльными томиками за счетъ почитателей поэта.

Съ хорошей пици она стала женщиной дородной, возбуждавшей въ мужчинахъ роковую страсть, завела домашняго критика, съ которымъ читала стихи мужа.

„Тотъ первое время только мычалъ, а потомъ сталъ ежемѣсячно писать пламенныя статьи о Смертяшкинѣ, который „съ непостижимой углубленностью проникъ въ бездонность той черной тайны, которую мы, жалкіе, зовемъ Смертью, а онъ полюбилъ чистой любовью прозрачнаго ребенка. Его янтарная душа не отемнилась познаніемъ ужаса безцѣльности бытія, но претворяла этотъ ужасъ въ тихую радость, въ сладостный призывъ къ уничтоженію той непрерывной пошлости, которую мы, слѣпыя души, именуемъ Жизнью“.

„При благосклонной помощи критики,—по убѣжденіямъ онъ былъ мистикъ и эстетъ, по фамиліи—Прохарчукъ, по профессіи—парикмахеръ,—Нимфодора довела Евстигнейку до публичнаго чтенія стиховъ: выйдетъ онъ на эстраду, развернетъ колѣнки направо-налѣво, смотреть на жителей бѣлыми овечьими глазами и, покачивая угловатой головою, на которой росли разныя разности мочальнаго цвѣта, безучастно вѣщааетъ:

„Въ жизни мы—какъ-будто на вокзалѣ,
Предъ отъѣздомъ въ темный міръ загробный...
Чѣмъ вы меньше чемодановъ взяли,
Тѣмъ для васъ и легче, и удобнѣй!
Будемъ жить бессмысленно и просто.
Будь пустымъ, тогда и будешь чистымъ.

Кратокъ путь отъ люльки до погоста!
Служить Смерть для жизни машинистомъ!..

— „Враво-о!—кричать вполне удовлетворенные жители.—
Спасибо-о!

— „А, можетъ, я и въ самомъ дѣлѣ—геній?—думалъ Смертяшкинъ, слушая одобрителный ревъ жителей.—Вѣдь, никто не знаетъ, что такое геній; нѣкоторые утверждали же, будто геній—полоумные.. А если такъ...

„И при встрѣчѣ со знакомыми, сталъ спрашивать ихъ не о здоровьѣ, а:

— „Когда умрете?

— „Чѣмъ и приобрѣлъ еще бѣльшую популярность среди жителей.

„А жена устроила гостиную въ видѣ склепа: диванчики поставила зелененькіе, въ стилѣ могильныхъ холмиковъ, а на стѣнахъ развѣсила снимки съ Гойя,—все съ Гойя, да еще и Вюртцъ!

„Хвастается:

— „У насъ даже въ дѣтской вѣяніе Смерти ощутимо: дѣти спать въ гробикахъ, няня одѣта схимницей,—знаете, такой чернѣй сарафанъ, съ вышивками бѣлымъ—черепа, кости и прочее, очень интересно! Евстигней, покажи дамамъ дѣтскую! А мы, господа, пойдемте въ спальню...

„И, обаятельно улыбаясь, показывала убранство спальни: надъ кроватью, въ формѣ саркофага, чернѣй балдахинъ, съ серебряной бахромой: поддерживали его выточенные изъ дуба черепа; орнаментъ—маленькіе скелетики играютъ могильными червяками.

— „Евстигней,—объясняла она, такъ поглотить своей идеей, что даже спитъ въ саванѣ“...

Евстигней, однако, скоро понялъ, что изъ всего этого выходитъ. Пока онъ писалъ стихи о сладости смерти и горечи жизни, его Нимфодора любезничала съ критикомъ, настаивая ему длинныя рога.

— „Какъ это правильно сказано, что для женщинъ и лабеевъ нѣтъ великихъ людей!“—печально думалъ Смертяшкинъ.

Подъ вліяніемъ такихъ размышленій, изъ-подъ его пера начали выходить стихи иного настроенія.

„Сколько пошлостей и вздора
 Написать я, Нимфодора,
 Ради тряпокъ, ради шубокъ,
 Ряди шляпокъ, кружевъ, юбокъ“.

Его удерживали дѣти, которыхъ было трое.

Ихъ надо было одѣвать въ черный бархатъ; каждый день, въ десять часовъ утра, къ крыльцу подавали изящный ватафалъ, и они ѣхали гулять на кладбище,—все это требовало денегъ.

„И Смертяшкинъ уныло выводилъ строка за строкой:

„Всюду жирный трупный запахъ
 Смерть надъ міромъ пролила.
 Жизнь въ ея костлявыхъ лапахъ,
 Какъ овца въ когтяхъ орла.

— „Видишь ли, что, Стегнышко,—любовно говорила Нимфодора. Это не совсѣмъ... какъ тебѣ сказать? Какъ надо сказать, Маса?

--- „Это—не твое, Евстигней!—говорилъ Прохарчукъ басомъ и съ полнымъ знаніемъ дѣла.—Ты—авторъ „Гимновъ смерти“, и пиши гимны...

— „Но это же новый этапъ моихъ переживаній!—возражалъ Смертяшкинъ.

— „Ну, милый, ну, какія переживанія?—убѣждала жена.—Надобно въ Ялту ѣхать, а ты чудишь!

— „Помни,—гробовымъ тономъ внушала Прохарчукъ.—что ты обѣщаль.

„Прославить смерти власть
 Беззлобно и покорно...

„Однажды Смертяшкинъ, глядя, какъ его пятилѣтняя дочурка Лиза гуляетъ въ саду, написалъ:

„Маленькая дѣвочка ходитъ среди сада.
 Бѣленькая ручка дерзко рветъ цвѣты...
 Маленькая дѣвочка, рвать цвѣты не надо.
 Вѣдь они такіе же хорошіе, какъ ты!

Маленькая дѣвочка! Черная, вѣмая
 За тобою слѣдомъ тихо смерть идетъ,
 Ты къ землѣ наклонись, косу поднимая,
 Смерть оскалитъ зубы и смѣется, ждетъ...

Маленькая дѣвочка! Смерть и ты, какъ сестры.
 Ты ненужно губишь яркіе цвѣты,

А она косою острой, вѣчно острой.

Убиваетъ дѣтокъ, вотъ такихъ, какъ ты...

— „Но это же сантиментально, Евстигней,—негодую, крикнула Нимфодора.—Помилуй, куда ты идешь? Что ты дѣлаешь съ твоимъ талантомъ?“

— „Не хочу я больше— мрачно заявилъ Смертяшкинъ.

— „Чего не хочешь?“

— „Этого. Смерть, смерть,—довольно! Миѣ противно слово самое.

— Извини меня, но ты—дуракъ!

— „Пускай! Никому неизвѣстно, что такое гений! А я больше не могу... Къ чорту могильность и все это... Я—человѣкъ...“

— „Ахъ, вотъ какъ?—пронически воскликнула Нимфодора Ты—только человѣкъ?“

— „Да. И люблю живое...“

— „Но современная критика доказала, что поэтъ не долженъ считаться съ жизнью и вообще съ пошлостью!“

— „Критика?—заорала Смертяшкинъ.—Молчи, безстыдная женщина! Я видѣлъ, какъ современная критика цѣловала тебя въ прихожей за шкапомъ!“

— „Это отъ восхищенія твоими же стихами!“

— „А дѣти у насъ рыжія, тоже отъ восхищенія?“

— „Пошлякъ! Это можетъ быть результатомъ чисто-интеллектуальнаго вліянія!“

— „И вдругъ, упавъ въ кресло, она заявила:

— „Ахъ, я не могу больше жить съ тобой!“

— „Евстигнейка и обрадовался, и въ то же время испугался.

— „Не можешь?—съ надеждой спросилъ онъ и со страхомъ.—А дѣти?“

— „Пополамъ!“

— „Троихъ-то?“

„Но она стояла на своемъ. Потомъ пришелъ Прохарчукъ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ огорчился и укоризненно сказалъ Евстигнейкѣ:

— „Я думалъ, ты—большой человѣкъ, а ты—просто маленькой мужчина!“

„И пошелъ собирать Нимфодорины шляпки. А пока онъ мрачно занялся этимъ, она говорила мужу правду:

— „Ты выдохся, жалкій человекъ. У тебя нѣтъ больше ни таланта, ничего. Слышишь: ни-че-го!

„Захлебнулась слюной честнаго негодованія и докончила:

— „У тебя и не было ничего, никогда! Если бы не я и Прохарчукъ,—ты такъ всю жизнь и писалъ бы объявленія въ стихахъ, слизнякъ! Негодай, изломавшій мою жизнь, похититель юности и красоты моей...

„Она всегда въ моменты возбужденія становилась очень краснорѣчива.

„Такъ и ушла она, а вскорѣ, подъ руководствомъ и при фактическомъ участіи Прохарчука, открыла „Институтъ красоты м-ше Жизанъ изъ Парижа. Специальность—коренное уничтоженіе мозолей“.

„Прохарчукъ же, разумѣется, напечаталъ разносную статью: „Мрачный миражъ“, обстоятельно доказавъ, что у Евстигней не только не было таланта, но что, вообще, можно сомнѣваться, существовалъ ли таковой поэтъ. Если же существовалъ, и публика признавала его, то это—вина торопливой, неосторожной и неосмотрительной критики.

„А Евстигнейка потосковалъ, потосковалъ, и,—русскій человекъ быстро утѣшается!—видитъ: дѣтей кормить надо!

„Махнулъ рукой на прошлое, на всю смертельную поэзію, да и занялся старымъ, знакомымъ дѣломъ: веселыя объявленія для „Новаго похороннаго бюро“ писать, убѣждая жителей:

„Долго, сладостно и ярко

„На землѣ мы любимъ жить,

„Но придетъ однажды Парка

„И обрѣжетъ жизни нить!

„Обсудивши этотъ случай,

„Не спѣша, со всѣхъ сторонъ,

„Предлагаемъ самый лучший

„Матерьялъ для похоронъ!

„Все у насъ вполнѣ блестяще,

„Не истерто, не старо:

„Заходите же почаще

„Въ наше „Новое бюро“!

„Такъ всѣ и возвратились на стези своя“.

И сколько подобных „психопатов“—Радныхъ или рога-
тыхъ „дураковъ“—Смертяшкиныхъ расплодилось отъ того,
что пресыщенные жизнью люди стали находить какую-то
прелесть въ самой смерти, какъ мухи—въ мышьякѣ! Они
забыли, что мудрейшій царь Соломонъ, испытавъ до тон-
кости утѣхи земныя, признался:

— Суета суеть,—все суета!

Лишь одно, впрочемъ, не „суетно“, не можетъ надоѣсть,
не способно повергнуть въ горечь отчаянія, въ пессимизмъ
смерти, — это остающееся постоянно сладкимъ, умѣренное
пользованіе всѣми благами при чистой совѣсти, при вѣрѣ
въ Бога и любви (Еккл. III, 12 и дрр. =)Цн. II, 44—47 и подд.).

А. Туберовскій.
